

БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В ЛАБИРИНТАХ ПОИСКА.

"Экономическая наука стала подобна астрологии, предсказания которой то ли сбываются, то ли нет."

Начатый в середине 80-х годов социальный мазохизм продолжается с нарастающей агрессией и по сей день, уйти от которого живущему на этой грешной земле можно обратившись лишь разве к чтению словарей или Библии. Но даже в этой ставшей за последние времена модной книге самоистязание и постоянный пессимизм считается в общем-то делом греховным и неугодным всевышнему, поскольку последний нацеливает своего раба на активные и созидательные действия. В свою очередь рациональная практическая деятельность особенно на рубеже 21 века невозможна без развития науки в целом и экономической в частности. Иначе говоря, если несколько отвлечься от весьма непростого вопроса взаимодействия экономической теории с практикой, традиционного поиска врагов в среде политики и политиков разного уровня, то без особых сомнений можно заметить, что как мировые, так и острые, далеко нестандартные отечественные социально-экономические проблемы являются всего лишь следствием тех проблем и парадоксов, которые всегда сопутствуют развитию экономической науки в широком смысле слова.

Уход с исторической арены "экономики социализма" предопределил и уход ее теоретической основы -- политэкономии социализма, которая наряду с другими функциями каким-то образом выполняла и функцию теоретической основы экономической политики. Все прежние теоретики от экономики еще, видимо, помнят, что в этой науке также было далеко не все "в порядке" и по существу теоретическую бесплодность дискуссии, открывшейся популярным в то время тезисом о неизвестном обществе, "в котором мы живем".

В настоящее время также никто не скажет какая наука или тем более какая ее школа выполняет эту теоретическую основу. Поскольку природа не терпит пустоты, то эта свободная ниша частично уже заполнилась и еще заполняется схоластическими программными заявлениями, новыми мифами, замшелыми догмами средневековья, неврастеническими предсказаниями, удивительно противоречивыми взглядами "здорового смысла", крайне пестрыми по своему составу и неосмысленными по содержанию идеями "цивилизованного общества".

(1). Все это можно было бы принять, если бы за прошедшие более чем десять лет (!) жизнь или улучшалась, или хотя бы наметились перспективы на некоторое экономическое оздоровление. Но управление методом проб и ошибок продолжается буквально на всех уровнях от государственного до бригадного и звеньевое, изматывая и без того скудные ресурсы республики и создавая психологический дискомфорт неуверенности в будущем, что не только сдерживает реформы, но и отвергает их в своей основе. Можно сказать, что период романтического реформизма завершился, перейдя в стадию глубокой депрессии. Поэтому весьма странно слышать сетования и политиков правых (в классическом понимании) партий и некоторых теоретиков (2). Почтенная и уважаемая публика республики, не ставшая еще

господами, но потерявшая статус товарища, именуемая при официальных обращениях своих высоких руководителей нейтрально -- гражданами, уже с содроганием сжимается в страхе от очередных намерений очередного правительства и последующей "заботы" о себе, понимая, что как бы не пришлось расстаться после этого с последним куском хлеба. Но здесь, оказывается, на помощь может прийти из популярного учебника "Экономикс" теория потребления, знание которой позволит максимизировать малоимущему полезность, например, рекомендуя съесть этот кусок хлеба сегодня или отложить его на послезавтра. Вот тогда, возможно, и произойдет выравнивание удовлетворения потребности бедняка, наслаждающегося своим хлеб насущным, и г-жи Х, отдавшей предпочтение необыкновенному колье вместо n-ой по счету шубке.

В постсоветской экономической науке продолжается удивительная традиция, начавшаяся еще с революционных времен авторская обезличенность и неизвестность как хороших, так и дурных идей. Ни одна экономическая реформа не получила сколь-нибудь серьезной экспертизы и оценки с точки зрения теории и практики. И последняя реформа, обозначенная как радикальная, здесь также не является исключением, хотя по времени она превысила все мировые рекорды. Правда, и в России и у нас уже находят ее такие положительные "завоевания", как, например, финансовую стабилизацию (при признании факта развала финансовой системы), повышение заработной платы в долларовом выражении (при значительном снижении реальной заработной платы). Известный "духовный отец" российской реформы Дж.Сакс более сдержан в своих оценках уже свершившегося и достаточно пессимистичен в прогнозах на будущее, не находя почему-то ни одного положительного результата исторической реформы в России. (3).

Парадокс ситуации в том, что практически все постсоциалистические государства "пишут" свою историю как бы с чистого листа, поскольку самой жизнью отвергнута прежняя теоретическая конструкция -- ортодоксальный марксизм, и разрушена где-то приближающаяся к ней хозяйственная система, практическое функционирование которой традиционно выступает в качестве критерия истины. При общей экономической неподготовленности, являющейся в том числе и следствием слишком "критического" отношения к мировой "буржуазной науке", любая звонко брошенная фраза может быть принята за последние достижения экономической науки. "К сожалению, -- как пишет известный специалист в области истории экономической теории М.Блауг, -- ...экономисты часто принимают мякину за зерно и полагают, что владеют истиной, хотя на самом деле это всего лишь сложная цепь определений и ценностных суждений, замаскированных под научные выводы".(4). Сегодня в условиях приведения постсоциалистической национальной науки к некоему общему знаменателю, основе, называемой парадигмой науки, и хаотично развивающейся хозяйственной практикой оказывается, что все могут настаивать на своей исключительной правоте по предложениям выхода из "кризиса" в то время как степень остроты его динамично углубляется.

К сожалению или к счастью, но референдумами и выборами истина хотя бы по определению вектора экономического развития не

достигается, впрочем как и многое другое, что требует серьезной и высоко профессиональной аналитической работы.

Однако не следует думать, как это иногда делают у нас, что экономическая наука представляет собой лишь определенный набор идей, постулатов, готовых схем и рецептов, которые находятся где-то за национальной или зарубежной университетско-академической дверью и только ждут своего применения. Наука, также как и практика, явление развивающееся, готовое неискушенному начинающему исследователю преподнести сюрприз в виде модного, но все же лжеоткрытия, либо искаженного представления о реальной действительности как в своей стране, так и за ее пределами, полученного через призму упрощенных, аксиоматических экономических категорий или понятий давно забытых дней, а, следовательно, и опровергнутых самой историей.

Вполне понятны и практически неустранимы с арены политический действий на демократическом поприще и в 21 веке приемы и манипуляции с наукой, используемой отдельными лицами, их группами, политическими партиями как аргумент особой значимости для распространения часто абсолютно бесперспективных и пустых, если не сказать общественно вредных замыслов и намерений.

И здесь все было бы ничего, если бы не то тревожащее, если не сказать как-то жестче, обстоятельство, что у нас в республике от фундаментальной экономической науки, определяемой в классическом варианте "как политическая экономия" со всеми своими другими ответвлениями по сути осталась или, может быть, еще только сформировалась лишь, так называемая, научная упаковка. Даже организационно уже имеющиеся научные силы, способные в сложнейших даже не экономических, а информационно-методологических условиях, проводить действительно научно-исследовательские работы используя современный, хотя уже также устаревший во многом аналитический аппарат, а не широко пропагандируемый порочный для сегодняшних условий метод здравого смысла, оказались разобщенными. Опустели академические институты, многие НИИ, значительно поредели университетские кафедры, которые уже покинули и продолжают это делать люди, приняв успешно вызов зарождающейся новой экономической системы, способные и еще морально готовые реализовать свой накопленный научный потенциал.

Обращаясь к науке, надо учитывать, что это весьма специфический вид деятельности, которую нельзя "заставить" неким приказом или указом сделать открытие, выработать безошибочную концепцию развития, создав очередную структуру типа "Экономсовета" или "Академии при ком-то", как впрочем нельзя окончательно и запретить поиск экономической истины (5). Причем в отличие от традиционной производственной деятельности в науке исключена так называемая помощь "всем миром", а использование уже имеющихся открытий в рамках той или иной системы государственного устройства предполагает их органическое вплетение с учетом всех специфических особенностей начиная от образа мышления до потребительского поведения, отличающих одну систему от другой. Сие означает еще и весьма непростое взаимодействие экономической науки в широком смысле слова с естественнонаучными исследованиями как международного, так и национального порядка. И если в целом во все времена взаи-

отношения экономической теории с другими науками включая и естественные никак нельзя характеризовать как идеальные, то в национальных экономических исследованиях такая связь, без преувеличения можно сказать, непозволительно не замечалась и не замечается тем более сейчас. Предлагая какие-то рекомендации по экономической политике и формам хозяйствования как правило уровень развития техники и технологии используется японский, образ жизни европейский, размер материальной обеспеченности американский, а доводы и аргументы белорусские: "я так думаю", "мы в этом убеждены" и в лучшем случае -- "такова мировая практика" или "так робіцца ва усіх цывілізаваных краінах".

В целом же так называемая "критическая масса" отечественной экономической науки с точки зрения идей, организации, количества научных сотрудников, складывающейся системы подготовки экономистов (6), по-нашему мнению, находится на уровне, который можно определить как "докритический", после чего грустные выводы напрашиваются сами по себе. Один из них следующий: выходу из экономического тупика республики, а именно так следует оценить реальное сложившееся положение, предшествует выход из кризиса национальной экономической науки.

Снижение общетеоретического уровня экономической науки, проявившемуся прежде всего в размытости критериев оценок и выводов, а также в преобладающем использовании описательного метода позволили значительно расширить ее социальную базу от рядового обывателя до профессора физики или математики. Правда, последние также пока не предложили формулу выхода из сложившейся в РБ непростой экономической ситуации. Эта группа "начинающих" от экономической теории пытается освоить последнюю традиционно по учебникам "Экономикс" причем американского образца. Любая попытка к знанию может только приветствоваться, но хотелось бы все-таки обратить внимание на то, что это всего лишь некоторые основы экономических знаний. Но и здесь слишком важна, чтобы делать из этого выводы, степень осознания рассматриваемых категорий в контексте эволюции экономической науки. Ведь никому не придет в голову считать себя физиком или химиком, прочитав самым внимательным образом популярный учебник по этим дисциплинам.

Вторую большую группу экономистов "от науки" составляют люди, длительное время поживавшие ренту на ниве пропаганды марксизма, но которые овладели им в лучшем случае на уровне первого тома "Капитала". Поскольку их "методологическая основа" держалась на вере, то последнюю они, не желая отстать от современников, быстро поменяли бегло прочитав наиболее доступные разделы "Экономикс" на новую предложенную им для выживания веру -- "в условиях рынка", абсолютно не вдаваясь в его действительно теоретические, социально-экономические, психологические, технические, правовые основы и предпосылки. В "лучшем" случае чего можно ожидать от данных "теоретиков" так это дискредитации самой идеи рыночных преобразований.

Особое место занимает весьма незначительная часть людей, добротнo изучивших парадигму марксизма и пытающихся современные проблемы анализировать только сквозь эту призму взглядов. Думается, главная проблема для этих людей -- это проблема места

марксизма в структуре современного экономического знания. Ведь уважая Ньютона, нельзя же, например, с помощью его идей не только анализировать современные проблемы физики, но даже их и обнаружить.

К четвертой группе экономистов относятся, как они себя считают, прагматики, работающие в некоторых конкретных сферах деятельности. Они на уровне очевидных фактов могут активно занимать умы интересующихся экономикой, описывая с долей позволительного возмущения существующую практику, которая, как уже отмечалось выше, крайне нерациональна по своей основе, не задумываясь при этом ни о каких методах и принципах своего исследования, его категориальном аппарате, чем всегда собственно отличается любитель и начинающий в этой сфере от профессионала. Ведь, если обратиться к истории экономической мысли, то традиционными окажутся дискуссии не по самому представленному фактическому материалу, а по способу его добычи и аргументации на истину, то есть по методологии. Свои позиции экономисты данной группы всегда считают правильными, а вину за неудачи в экономике "мудро" сваливают на ушедшее в отставку руководство и затем, спокойно принимая затем очередного правительства, снова начинают описывать происходящее, используя при этом не собственные, а вторичные статистические данные и нормативы.

Пятую группу составляют, так называемые, "независимые экономисты", работающие во вновь созданных независимых исследовательских центрах, институтах, финансируемых теми, кто понимает насколько важна и необходима в современных условиях обширная научно-аналитическая информация. Поэтому сам факт создания таких центров и групп можно оценивать как положительное явление, когда осознавая накопившиеся в первую очередь вопросы теории экономики, осуществляется поиск нестандартных решений не на обыденном уровне, а на уровне все той же теории. Все-таки, как подтверждает практика, обращение к теории более надежно и плодотворно, чем поиск альтернатив методом проб и ошибок. Но претендуя на объективность, не следует вводить в заблуждение и себя и остальную публику, ибо дискутируемая в начале века проблема независимости в экономических исследованиях "приказали долго жить" уже в 50-х годах, о чем могут напомнить иронические слова Д.К.Гэлбрейта: "Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий в свободном обществе состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им доводами и умозаключениями, должным образом подкрепленными статистическими данными и моральным негодованием".(7).

Среда "независимых" также неоднородна. Первую часть этой группы аналитиков составляют ее те представители, которые понимают кому они служат и кто им платит, не скрывают этого, хотя и не афишируют, но пытаются честно, как это позволяет открывшаяся на данном участке рыночная среда, использовать свой накопленный теоретический потенциал для аналитической работы. Конечно, тут есть опасность отрабатывать социальный заказ по принципу "чего изволите?", что в недавнем прошлом не принесло желаемых результатов ни для правящих, которые выступали заказчиками на развитой социализм, ни для общества в целом. Вторую часть можно определить как "лукавые независимые", которых немного по разным причинам. Пони-

мая во многом больше на уровне интуиции, чем на уровне какой-нибудь теории суть происходящих событий своими работами в форме привлекаемых памфлетов они напоминают козлов-provокаторов, которых используют на мясокомбинатах и которые звучно и зримо шествуя впереди, увлекая за собой остальных, в последний момент уходят в сторону таким образом заслуживая себе временное право на свою жизнь.

Есть еще одна весьма значимая часть представителей белорусской экономической науки, которая по существу осталась без своего предмета. Это, так называемые, "отраслевики" (экономика промышленности, сельского хозяйства, торговли и т.п.) и люди, занимающиеся статистикой, финансами, управлением, планированием и т.д. Поскольку во многом эти науки в теории опирались на политэкономиию социализма и выработанные в последующем совместно с практикой нормативы, инструкции, положения, то после бурных революционных перемен как в идеологии, так и практике все эти "основы" оказались в новых условиях далеко не основами, а в некоторых случаях лишь помехой. Ближе всего стоящие к запросам производства прикладные науки остро почувствовали необходимость в фундаментальной теории, которая стала с естественной необходимостью при разработке жизненно важных нормативов и показателей заменяться здравым смыслом весьма разных по уровню профессиональной подготовки, жизненному опыту людей.

Но еще А.Эйнштейн писал, что здравый смысл -- это толща предрассудков, успевших отложиться в нашем сознании к восемнадцати годам. Эти предрассудки как правило провоцируют по воле случая оказавшихся у руля государственной власти политиков на усиление государственной бюрократии и построения хотя и неэффективной, но все же управляемой (!) экономики государственно-бюрократического капитализма (социализма), имеющего распространение не только в странах Латинской Америки, но уже и некоторые характерные признаки и проявления в нашей стране.

Следовательно, проблема формирования национальной экономической науки остается, пожалуй, более актуальной, чем можно себе это представить(8). Задача это достаточно сложная, но в целом выполнимая. Жесткие рамки данной статьи позволяют обозначить лишь некоторые контуры поиска. Прежде всего необходимо, что называется, вдохнуть жизнь в то, что называется экономической наукой, освободив последнюю от всякого рода спекуляций, политических и программных заявлений, лжеидей, демагогических высказываний и т.п. Критерием здесь может выступить тест на научный факт, аргументацию и доказательность. Второе --это инвентаризация не только материальных ресурсов республики, но и научных идей, разработок, включающих все наработки и в экономической области. В-третьих, что, пожалуй, самое сложное и самое важное, формирование категориального аппарата науки с учетом тенденций как мирового экономического развития, так и эволюции экономической теории. Последняя на рубеже веков обнаружила удивительную невосприимчивость к новым возникающим явлениям и неспособность к более или менее адекватному прогнозу в сценарии будущего общества, определяемого как постиндустриальное или информационное общество (9). В последнем слишком обострились глобальные проблемы, поставившие под сомнение

необходимость и разумность современной цивилизации, которая для нас выступает образцом для подражания и аргументом в споре. Но истина состоит в том, что уже с момента образования Римского клуба в 1968 году идет настойчивый поиск нового сценария мира 21 века, который требует смены парадигмы существовавшей до сих пор, скажем так, традиционной экономической науки. Мир оказался слишком хрупким, чтобы продолжать обращаться с экономической истиной, как с порочной девицей, на протяжении многих десятилетий жертвующую себя всему и каждому в угоду каким-то низменным испорченным интересам.

\17

1. Например, претендующий на особое влияние в сфере финансовой политики руководитель объединенного АСБ "Беларусбанк" осознанно или по явному

недора-

зумению, что явно не на пользу его авторитета, отождествляет

государственную

собственность с собственностью Президента. Интересны заявления и с

прибылью,

использованная величина которой, оказывается, первоначально больше

прибыли

заработанной (См. "Б.Р.". 1996. N 1. С.7). Можно вспомнить и то, как вся республика жила достаточно долго в серьезном ожидании явного мифа -- валютного союза. Много иллюзорного несет в себе чековая приватизация, например, быть всем собственниками и жить безбедно на дивиденды. Сейчас робко заявляет о себе проблема шестидесятых годов о "рыночном социализме". Перечень таких парадоксов легко можно продолжить.

2. См.Р.Э.Ж. 1995. N.10. С.89.

3.См."М.Н.". 1995. N87. С.3

4. М.Блауг.Экономическая мысль в ретроспективе. М.,1994. С. 659.

5. Типичный свежий пример -- присуждение Нобелевской премии по экономике французскому ученому М.Аллэ, который на протяжении десятилетий был

неиз-

вестным не только за пределами Франции, но и у себя дома.

6. Из 51 тыс.научных работников республики, еще продолжавших свою деятельность в 1994 году, что составляет 1.1 % от общего количества занятых, лишь 5 % составляют экономисты и сельскохозяйственники. В республике нет

ни

одного журнала по теоретической экономике. Информационное обеспечение,

что

требует в нынешних условиях определенных финансовых затрат, ставит

эконо-

мистов в положение рыб, испытывающих кислородное голодание. Мягко говоря,

лю-

бопытны программы вузов, взявших на себя смелость подготовки специалистов

по

экономике.

7.Дж.К.Гэлбрейт."Новое индустриальное общество".М., 1969. С.313).

8.Д.М.Кейнс писал:"... идеи экономистов и политических мыслителей -- и когда они правы, и когда ошибаются -- имеют гораздо большее значение, чем

принято думать. ...Люди-практики, которые, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь

экономиста прошлого". (Д.М.Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С.458).

9. Один из известных исследователей современного общества П.Икинз подчеркивал: "...экономическая наука зашла в тупик, инструментарий ее притупился... Необходимы новый старт, разработка экономического подхода, который соответствовал бы науке, технологии, ценностям и отношениям конца XX века".

Ekens P. The Living Economy, A New Economics in the Making. L.-N.Y., 1986, p.1.

=====

БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИКА: ПАРАДОКСЫ ПРАКТИКИ И ВОПРОСЫ ТЕОРИИ.

Жизнь методом проб и ошибок также возможна, но кому нравится такая жизнь?..

...Жизнь в очередной раз преподнесла белорусскому народу такой масштаб и перечень проблем, их остроту и уникальность, что еще не одно поколение будет ломать копья при их описании и оценке.

Остросужетным описанием своих внутренних проблем сегодня никого не удивишь. Нет смысла также продолжать традицию славянской души, отмеченную еще свое время Н.А.Бердяевым, по разрушительной критике всего и вся, а особенно правительства, будь оно прошлое, настоящее или которое еще только намеревается пройти начальные "курсы" в органах государственного управления. Уничтожающая и реакционная по духу критика уже сделала свое дело, в результате чего период романтического реформизма перешел в стадию глубокой национальной депрессии. Что же касается советов, то, пожалуй, за десять лет "перестройки" редко кто не воспользовался этим единственным пока завоеванием, чтобы со страстью или без не изложить "свою точку зрения". Парадоксально, но от обилия советов в политике пришли к власти без Советов, а при общей коллективной правоте к десятилетнему испытанию на прочность, которое еще не закончилось.

Принимая оппонентов как необходимый элемент общественного катализатора, к тому же не позволяющего "дремать" и властным структурам, все же нет никаких оснований соглашаться с тем, что это претендующее на роль нового правительства оппозиция знает особые, якобы только одному ему известные "рецепты" врачевания общества, и будет действовать более мудро, рациональнее, чем его предшественник. Драматизм ситуации в том, что практика подтверждает как раз-таки обратное. Но дело не только в правительстве, на которое почему-то больше всего фокусируется внимание. Правда, хотя в понимании государства и правительства почему-то, как правило, дальше одного-двух лиц, нахо-

дящихся на пирамиде власти, мы еще не продвинулись, но, безусловно, власть заслуживает критического внимания. Это своеобразная плата хотя временную, но известность, за переоценку своих возможностей в деле государственного управления, за "неджентльменское" поведение в использовании своего положения и т.п.

Но надо учитывать и то, что жизнь в очередной раз преподнесла белорусскому народу такой масштаб и перечень проблем, их остроту и уникальность, что еще не одно поколение будет ломать копья при их описании и оценке. Итог спрессовала знакомые по учебникам "ошибки царского правительства" с "завоеваниями" советского, дополненных боязливymi, соглашательскими и решительными действиями уже в который раз сменившегося юного в политическом отношении правительства республики. Кроме этого к концу 20 века произошли и происходят кардинальные изменения во внешних условиях, которые для таких государств как РБ во многом становятся определяющими при выработке как внутренней, так и внешней политики. Иначе говоря, проблема критической оценки прошлого, выяснения адекватных исходных условий настоящего и рационально выверенного, практического взгляда в будущее еще более обнажила себя. И здесь трудно переоценить роль и значение науки, которая исторически призвана выполнять данные функции. Действительно, рассчитывать на благополучный успех на рубеже веков без науки в целом и экономической в частности может либо авантюрист, либо романтик, а в лучшем случае чудаки.

Если учесть специфику развития середины и второй половины 20-го века в плане роли науки в общественном прогрессе, то здесь нет никакого открытия. Ведь по сути дела уход с исторической арены СССР со всеми полученными от этого результатами и соответствующими продуктами распада был запрограммирован уже в 50-е годы вследствие осознанного или нет, но стратегического просчета правящей партии в выборе приоритетов развития, среди которых не оказалось достойного места такому социальному феномену как наука в широком смысле этого слова. Экономическая политика страны рассматривалась не через призму науки, а формировалась исходя из "здорового смысла" того или иного руководителя или даже их некоторой группы. Чего проще, если не хватает стали -- надо построить еще один сталелитейный завод, если население испытывает недостаток мяса и молока -- надо осваивать целину, наращивать поголовье скота и т.п. Здесь очень "неплохую" службу оказала "политэкономия социализма", которая официально хотя и была призвана выполнять функцию теоретической основы проводимой экономической политики, но на деле вместе с ее слугами выступила наихудшим вариантом идеологического просветительства и бездарного лицедейства перед марксизмом. В итоге острота проблем, проявившихся в 80-е годы, подтолкнули к "нахождению консенсуса" в "гласном", "демократическом" и "коллективном" выборе мнений. Однако оказалось, что референдумы, демонстрации, собрания выполняют лишь определенную нагрузку в обществе, но никак не способствуют поиску истины и принятия более рациональных решений начиная от выбора ру-

ководителя до определения, например, себе норм выработки или назначения заработной платы.

Неожиданные и стремительные события конца 80-х начала 90-х годов, подталкиваемые как внутренними, так и внешними факторами, разрушили традиционные и привычные политико-экономические формы хозяйствования, опередив и без того слабую в теоретическом отношении, но богатую на мифы и догмы, общественную мысль в целом и экономическую в частности. Поскольку практически во всех постсоциалистических странах отсутствовали какие бы то ни было другие кроме политических форм стабилизаторы, например, в виде монархии, теневого кабинета, религии, национального капитала, идеи или традиции, то эти системы пошли, если использовать технический термин, "вразнос" со всеми своими не свойственными для этих государств проявлениями. Нарушился "естественный порядок" в умах на уровне обыденного сознания, в экономической науке, (а по большому счету это "нарушение" можно отнести и ко всем гуманитарным наукам), а следовательно, и в хозяйственной практике. Таким образом, по сути последняя лишилась как на национальном, так и на уровне фирм того, что можно было бы назвать наукой. Сейчас никто не может ответить на вопрос какая же наука или тем более какая ее школа, направление выполняет функцию теоретической основы экономической политики.

Образовавшийся вакуум в теории заполнился одной фразой - "альтернативы рынку нет", обросшую новыми мифами, замшелыми догмами, удивительно противоречивыми взглядами опять "здравого смысла" и как всегда неосмысленными, крайне пестрыми по своему составу идеями "цивилизованного общества". В реальной жизни "советский человек" от руководителя высшего эшелона до рядового рабочего проявил все-таки не то, что в нем воспитывали, а все свои низменные природные инстинкты, конечно с примесью "социальных завоеваний". Началась, да по сути и продолжается сейчас чехарда с приватизацией, предприятия государственной собственности оказались брошенными на произвол судьбы и администрации. Коррупция и взяточничество уверенной в себе армии чиновников разного уровня, примитивные, но достаточно действенные аферы в первую очередь банков, "проевших" по сути все денежные ресурсы национальных предприятий и населения, обыкновенный разбой и рэкет переплелись с естественной для этой ситуации апатией к труду и ко всякого рода деятельности с ориентацией на повышение производительности труда.

Мы почти уже в ранг государственной политики возвели милостыню, прикрываясь фразой об условиях для иностранных инвестиций, игнорируя при этом элементарную экономию во всех сферах и на всех уровнях, забыв про такой важный источник накопления как амортизационные отчисления и другие наиболее приемлемые источники.

Если попробовать избежать иллюзий, то с огорчением или же с сожалением, но можно констатировать, что часть того, что совершается и преобладающим большинством населения воспринимается как инородное, не свойственное, как сейчас говорят, менталитету нации, следует признать в качестве "естественного по-

рядка", который несет в себе некая новая формирующаяся система. Например, можно по-человечески сочувствовать людям, вложивших деньги в некие компании, но ведь с другой стороны это плата за риск пожить по-капиталистически -- т.е. "когда деньги работают на тебя". По этому поводу шума много, но потери населения от такой "предпринимательской деятельности" составляют где-то около 8 - 9 млн. дол. Но о банках, которые "проглотили" финансовых ресурсов только населения на сумму более чем 20 млрд. дол., начали говорить только сейчас, да и то громко, что означает, как показывает практика, мирное окончание еще даже не начавшегося разговора по существу. С другой стороны, в условиях всеобщей демократической неразберихи, смятении в умах, вакууме власти и т.п. трудно было избежать соблазна и не воспользоваться ситуацией, которую и использовали банки, гордо и гласно осваивая первые шаги в своем профессиональном росте на ниве "ничейных" денег тем более что и население и руководители предприятий по-белорусски молчаливо позволяли на достаточно законном юридическом основании "уступать" свои сбережения в пользу иных лиц. Правда, классику литературы при разработке самых затейливых мероприятий все же не следует забывать, которая говорит, что на всякого мудреца довольно простоты ... Парадокс ситуации и в том, что практически все постсоциалистические страны "пишут" свою историю как бы с чистого листа. Национальные проблемы наложились на серьезнейших кризисах всех сфер европейской цивилизации, понимание которой всегда было пронизано спецификой славянской души от глубокого подражания до полного категорического отрицания. Скудость идей, детренированность национальной экономической мысли позволяют любой звонко и непривычно брошенной фразе превратиться в последнее достижение современной науки. Здесь, как и в живописи, отличить подделку от оригинала картины достаточно не просто даже специалисту. В результате фрагментарно выхваченная идея из контекста целостной системы некой научной школы прошлого или современного ее направления механически переносится как пластырь на язвы национальной экономики даже не обременяя себя раздумиями над тем, что у этого организма может быть совершенно иное заболевание. Например, ну как можно считать профессиональными даже рассуждения, не говоря уж о революционной попытке применения монетарной политики в стране со сложившейся десятилетиями структурой собственности, мотивации и поведения людей, где вначале даже официально отсутствовала национальная валюта и которая даже сейчас(!) выполняет эту весьма значимую роль лишь формально? Ведь в республике даже сейчас отсутствует для этой политики элементарный уровень развития банков и банковских услуг, такой важный "страховочный" элемент, необходимый для рыночной системы, как страховой рынок, находится в зародышевом состоянии, а относительно теории и опыта использования этой политики на всех уровнях управления даже говорить не приходится. А вообще-то принято прежде чем применять ту или иную экономическую политику кроме условий о возможностях ее эффективного использования предусмотреть еще и ее конечное целевое назначение. Если кратко, то монетарная политика направ-

лена прежде всего на получение прибылей без производства, то есть это элементарное ростовщичество последней четверти 20 века, осуществляющих перераспределение ресурсов, но уже на мировом уровне.

Вполне понятны и практически неустранимы с арены политических действий на демократическом поприще и в 21 веке спекуляции с наукой, используемой отдельными лицами, группами, политическими партиями как аргумент особой значимости в пропаганде часто абсолютно бесперспективных и пустых, если не сказать общественно вредных замыслов и намерений. А посему можно сказать, что по сути никакого отношения к науке не имеют осознанные или нет самими авторами их манипуляции на политэкономическую тематику в виде предвыборных программ, оппозиционных заявлений даже если они подписаны самыми громкими научными титулами. Здесь не следует смешивать научную упаковку чьих-то интересов и целей с содержанием предмета науки, уровнем и логикой последней. Но расчет людей, использующих науку в своих политических интригах, очень верный, поскольку последняя еще пользуется доверием у населения, а посему может послужить сильной козырной картой в игре на депутатский мандат или необходимый проект.

И все здесь было бы ничего, если бы не то тревожащее обстоятельство, что от экономической науки то ли осталась, то ли еще только оформилась лишь так называемая "научная упаковка" с явно выраженным политическим компонентом.

В Беларуси-то вообще никогда и не было своей экономической школы или некой преобладающей позиции, цементирующей основание науки той или иной страны. Существовавшая практика целостного народнохозяйственного комплекса СССР в некоторой мере по известным причинам не и способствовала этому. Разрушение же комплекса как целого отразилось и на экономической науке.

Во-первых, национальная наука оказалась по существу отрезанной от многих весьма важных теоретических проблем, центрами которых были Москва, Ленинград или Новосибирск. Практики многих отраслей и сфер деятельности могли бы, например, подтвердить географию источников приобретения ими необходимых разработок и материалов. Во-вторых, сложившаяся специализация в научных исследованиях не может дать адекватной общей "картины" национальной экономики с учетом общих закономерностей и всех ее особенностей. В-третьих, очень остро дает о себе знать "информационный голод" из-за крайне скудного финансирования науки и всей сферы информационного обеспечения. Кстати, информационный вакуум дополняется грифом "для служебного пользования" и попыткой извлечь из этого выгоду там, где ее быть и не должно. А в-четвертых, то же финансирование, а точнее его отсутствие, по существу разрушило даже то, что уже хрупко складывалось десятилетиями. Опустели академические институты и значительно поредели университетские кафедры, которые уже покинули и продолжают это делать люди, которые успешно приняли вызов зарождающейся новой экономической системы, но которые не в будущем, а сегодня могли бы реализовать свой накопленный научный потенциал.

Дело в том, что наука весьма специфическая сфера деятельности. Ее не создашь ни одним приказом и ни самым грозным указом. И нельзя заменить экономическую науку разного рода экспертными и "Экономсовета́ми", обязав последние сделать открытие или безошибочную концепцию развития. Разрушенная ее критическая масса часто не поддается восстановлению по крайней мере в течение десятилетий. Можно вспомнить становление в целом науки хотя бы в России или Америке, где национальные академии и университеты долгое время были заполнены известными учеными Европы, а в частности Германии. Уровень экономической науки в республике на текущий период, пожалуй, нельзя оценить иначе как "запредельный", т.е. находящийся уже ниже критической точки. Таким образом, следствием этого кризиса национальной экономической мысли является и наше экономическое положение, которому никак не подходит часто употребляемое определение "кризис". Каждая страна имеет свои взлеты и падения, но понятие "кризис" имеет за свою историю достаточно четко описанные в экономической литературе признаки. Наша же социально-экономическая ситуация, как и положение большинства постсоциалистических стран, беспрецедентно в истории по многим своим свойствам, а тем более по времени "перестройки". Иначе говоря, если использовать медицинскую терминологию, чтобы предлагать рецепты, а недостатка в этом сегодня нет, вначале необходимо установить точный диагноз больного с описанием всех потенциальных возможностей организма и возможной его реакцией на то или иное лекарство. Кликушеством же типа "кризис", "беспредел", "развал" и т.п. делу не поможешь. Скорее наоборот, все это еще более усугубит социально-психологическое состояние населения, которое заблокирует любые самые добрые и верные начинания. Ну а тот средний класс, о котором так часто вспоминают в рассуждениях о реформах, действительно в стране отсутствует и его из-за границы не завезешь.

Не следует думать, как это делается у нас, что экономическая наука представляет собой лишь определенный набор идей, постулатов, готовых схем и рецептов, которые находятся где-то за национальной или зарубежной университетско-академической дверью и только ждут своего применения. В отличие от других в этой сфере исключена помощь "всем миром". Наука, как и практика, явление развивающееся, готовая неискушенному и начинающему "исследователю" преподнести сюрприз в виде модного, но лжеоткрытия либо искаженного представления о реальной действительности. Неверное само по себе мышление неизбежно создает и неверные факты, догмы, мифы. Причем новые накладываются на еще не изжитые старые.

Проявлений на практике кризиса экономической науки более, чем достаточно. Например, это чрезвычайно "резкие" движения в потоке общественного развития политических институтов, постоянно меняющих "правила игры", вследствие чего часто инициируется хаос и произвол именно с этой стороны. Ведь культура не бытового, а теоретического экономического мышления объединяет прежде всего своей логикой, что исключает полярность тех взглядов и действий, которые у нас имеют место. Усложненность

бухгалтерского учета, чехарда с приватизацией, отсутствие целенаправленной ценовой политики, фатальная вера в неограниченные возможности государства, ставшая традиционной "драма" с налогами -- вот еще далеко неполный перечень проблем, подтверждающих уровень теоретического освоения закономерностей развития небольшой формирующей себя как самостоятельную единицу страну в сложный период на рубеже веков. Для убедительности можно привести ответ руководителя ИЭ АН РБ на официальный запрос Высшего хозяйственного суда по одному из прецедентов: "...в связи с массовой утечкой кадров в последние годы многие направления научных исследований в Институте экономики АНБ прекращены, в том числе и налогообложения. По этой причине Институт АНБ не в состоянии выполнить на должном уровне Ваш заказ". (См. "Н.Э.Г.".1996.N.13.с.15). Только одному богу известно какая теория налогов лежит в основе нашей практики налогообложения. Вероятнее всего известный и ранее применяемый в планировании принцип -- "от достигнутого". В свою очередь и альтернативные проекты, активно выдвигаемые в последнее время, из-за своей узости взгляда и явно выраженного интереса не могут претендовать на истину в последней инстанции. Но, откровенно говоря, последние могут быть более привлекательны из-за своей четко обозначенной цели и определенного стремления к доказательности, в то время как существующая налоговая политика, прикрываясь государственными интересами, явно дезорганизуя и не имеющая никакой цельности. При этом никто даже особенно не стремится к какой-то аргументации, объяснению, чем подрывается то, что называют "авторитетом государства", создавая неприязнь к соответствующим носителям этого интереса -- многочисленной государственной бюрократии для немногочисленной республики.

Не лишена любопытства при этом одна важная деталь. Создав неким стихийным образом существующий институт государства, практически все, включая и чиновников верхней иерархической ступени, испытывают его негативное влияние, подобное молуху. Но никто в последующем на серьезном уровне не может объяснить причины иррационального механизма этого созданного института, если, конечно, отвлечься от традиционной критики царя, генсека, президента или "плохих законов". Одна из причин метамарфозы "европейского образца" законов в "абсурдные", "неработающие", объясняется "мертвой зоной", находящейся на стыке экономики и юриспруденции, как в теории, так и в практике законодательства. Иначе говоря, может быть не только известный волюнтаризм личности, но и правовой волюнтаризм, когда юридические законы не "накладываются" на весь спектр законов и отношений экономических, что приводит прежде всего к праву силы, а не силы права. Как свидетельствует история многих стран, силой государственной машины можно сотворить такой "политический порядок", который будет противоречить "экономическому порядку" рационального и естественного поведения хозяйствующих субъектов. Частным моментом экономико-юридического противоречия является ситуация в банковской сфере, где в границах юридических норм осуществляется экономически незаконное, то есть неэффек-

тивное перераспределение дохода и богатства, результатом чего является в том числе и постоянное снижение величины "национального пирога". Влияние этого существующего экономически незаконного перераспределения, снижающим эффективность, идет по разным направлениям: как со стороны совокупного спроса и предложения, так и с позиций экономической заинтересованности (точнее незаинтересованности) решающего фактора производства -- труда. Обнаруживает себя какая-то "вывихнутая" логика, ибо, с одной стороны, мы даже горделиво заявляем о высоком уровне квалификации наших кадров, что входит в одно из немногочисленных условий потенциальных факторов роста, а, с другой -- это единственный фактор, на который цена имеет устойчивую тенденцию к снижению, чем, собственно, пытаемся привлечь иностранных инвесторов. Но квалифицированные кадры стоят очень недешево или не должны стоить так дешево. Доля заработной платы лиц наемного труда в ВВП составляет у нас всего лишь в пределах за последние годы от 23 до 32 процентов. После этого конечно надо объявлять политику "целевой" поддержки для 80 % населения страны. Но остальные "проценты" ВВП сегодня вряд ли кто-то объяснит.

Нельзя также обойти вниманием проблему выдвигаемых идей, аргументов и выводов. Складывается впечатление, что разного ранга люди даже не задумываются над тем, как они мыслят. Конфуций же говорил, что если разрушается мышление, то разрушаются и порядки. Во-первых, как в сказке "Легкий хлеб", от любой идеи, высказанной сегодня, предполагается уже завтра получить положительный результат. Во-вторых, с легкостью необыкновенной могут приводиться отрывочные сведения из жизни Японии, Америки, Гонконга и т.п., после чего делается вывод о неизбежности следования примеру этих стран возможно даже вместе взятых. В-третьих, сформировался некий особый тип мышления, когда в рассуждениях уровень техники и технологии используется японский, образ жизни европейский, степень материальной обеспеченности американский, а доводы и аргументы белорусские: "я так думаю", "мы в этом убеждены", "такова мировая практика", "так робітца ва усіх цивілізованих країнах". Любителям ссылок на "цивілізованія країны" можно было бы порекомендовать несколько расширить свой кругозор хотя бы до уровня некоторых мировых проблем, чтобы увидеть настойчивые и энергичные поиски западноевропейской цивилизации выхода из глобального, технократического кризиса начиная уже с 1968 года. В-четвертых, следует прекратить практику обезличенности внедряемых экономических идей и безмянности разрабатываемых законов. Это как-то позволило бы не только видеть вечно правых "своих героев", но и вносить коррективы в те экономические концепции, которые бы давали серьезные сдвиги в практике. Сейчас же шума много, все настаивают на своей правоте, а экономика медленно, но настойчиво катится вниз.

Обострение житейских проблем и неопределенность будущего подтолкнули к тому, что в обсуждение экономических вопросов, втянуло буквально каждого: от школьника до математика и поэта.

Правда, всенародный штурм этой крепости не добавляет порядка ни в мыслях, ни в делах. Но уже можно заметить и некоторую закономерность -- величина информационного шума и расстояние к истине находятся в прямо пропорциональной зависимости. У Черчилля понимал это обстоятельство и перед очередным выступлением на страницах иногда делал пометки: "...Маловато аргументов. Надо усилить голос".

И хотя пишущих на экономические темы сейчас немало, людей, занимающихся аналитической работой профессионально, очень немного. Например, если число научных работников к общему количеству занятых в народном хозяйстве составляет около 1 %, то доля среди них экономистов и сельскохозяйственников равна 5 %. Вопросами же теории экономики занимается весьма незначительная часть людей, часто не связанных между собой даже организационно. Скорее наоборот, привлечение научных работников в сферу государственного управления размывает и без того хрупкий пласт возможностей экономической науки. Попытка решить весьма острую кадровую проблему таким способом, как показывает практика, не всегда успешна, поскольку сфера науки и управления представляют собой слишком разные сферы деятельности, требующие и разных свойств личности и, кроме всего прочего, немалого времени для адаптации, чтобы проявились некоторые положительные результаты. Созданием разного рода научных подразделений в министерствах, крупных фирмах можно лишь временно снять некоторые частные вопросы. Во-первых, невозможно рационально поступать в нерациональном окружении, как шахматисту-профессионалу труднее всего играть с любителем -- каждый ход непредсказуем. Во-вторых, общее знание о национальной экономике не создается фрагментарными отрывочными сведениями. Здесь неизбежен "дефект знания", искажающий реальную картину событий, тенденций и предпочтений. Подтверждением тому могут служить все поступающие в госорганы предложения только по поводу снижения налогов, обоснования, конечно, только повышения цен на свою продукцию или, например, просьбы увеличить размеры бюджетных ассигнований для того или иного подразделения, фирмы. В свою очередь критерий "государственного интереса", "государственной целесообразности", который довольно часто фигурирует в отказах на эти и другие многочисленные просьбы, заявки, предложения со стороны властных структур, сам по себе размыт и позволяет чиновникам выносить вердикт, руководствуясь своим личным бюрократическим интересом.

Большое смятение в умах может вызвать непонимание того обстоятельства, что научная среда, как и общество, очень пестрая по своему социально-классовому составу. Правда, абсолютное большинство пишущих по политэкономической проблематике стремятся подчеркнуть свою исключительную объективность и "независимость". По этому поводу Дж.К.Гэлбрейт в свойственной ему манере иронии писал: "Одна из редких, но хорошо вознаграждаемых профессий в свободном обществе состоит в том, чтобы снабжать всех, кто в состоянии платить, нужными им доводами и умозаклечениями, должным образом подкрепленными статистическими данны-

ми и моральным негодованием".(См. "Новое индустриальное общество".М.,1969.С.313).

Но дело в общем-то не в том кто, кому и сколько платит.

Главное, чтобы у "независимых аналитиков", понимающих суть этого вопроса, желание услужить не преобладало над профессиональным уровнем, требующим все-таки квалифицированной работы, результаты которой бы не вводили в заблуждение ни одну из сторон, в том числе и своих заказчиков, какую бы из сторон они ни представляли: государство, некую социальную группу или работодателей извне. Ведь по сути дела все произведения искусства также были выполнены на заказ, но стали шедеврами лишь произведения мастеров, творчески работающих по соответствующим законам гармонии. И если относиться к экономической науке не как к сочинению на вольную тему, то окажется, что всегда есть зависимость от метода и инструмента исследования, выбор которых предопределяет в некоторой степени и соответствующие выводы по анализируемым фактам. В нашем случае еще только формирующейся (?) национальной системы производства (не распределения и перераспределения) "лукавая независимая зависимость" и "пролетарская целеустремленность" требуют корректировки и приведения этих позиций к общему знаменателю, но уже далеко не в духе традиционного социал-демократизма начала века. Проблема нахождения результирующего вектора движения вперед из-за весьма противоречивых и еще не явно выражаемых интересов разными социальными группами и классами в нашем обществе значительно сложнее, чем она даже осознается нашими разношерстными партиями, профессиональными группами, движениями. Элементарный парадоксальный пример из нашей общей нынешней ситуации -- буквально все становится дороже, но государство с его подданными беднеют. Правда, нельзя этого сказать о государстве как аппарате, где, пожалуй, создано единственное место специфической конкуренции при весьма ограниченном ресурсе профессиональных кадров.

Громкость политических баталий последних лет, сопровождающихся всевозможными демагогическими заявлениями и хлесткими, иногда очень удачными литературными сравнениями, рассчитанными на читательский интерес, практически вытеснили из экономической науки и без того хрупкую даже в период расцвета "политэкономии социализма" какую-бы то ни было логику, систему аргументов и доказательств. И уж совсем что-то не припоминается за последние десять лет, чтобы кто-то даже из среды активно пишущих экономистов, попробовал изложить не очередную свою точку зрения, а обосновать ее с предоставлением всей системы элементов, которые уже достаточно прочно вошли в инструментарий логики науки. Это необходимо для того, чтобы очевидное в интерпретациях рассуждающих на экономические темы не приобрело статус невероятного. Стало какой-то "доброй" традицией при обсуждении того или иного вопроса с легкостью необыкновенной уровень техники и технологии использовать японский, образ жизни - европейский, размер материальной обеспеченности -- американский, а доводы и аргументы чисто белорусские: "мы в

этом убеждены", "я так думаю", "такова мировая практика" или "так робітца ва усіх цывілізаваных краінах".

Раньше логика аргументации и доказательности какого-то явления держалась не на знании, а на догматической вере в марксизм и заменялись искусством манипулирования цитатами из произведений основоположников марксизма-ленинизма. Читающим эти строки с дипломами и без можно предложить тест на предмет того, что же они знают о марксизме и каково его место в системе современного общенаучного знания с самопроверкой. Не думается, что результаты здесь будут утешительными. Естественно, любая невежественная вера, помноженная на кандидатско-академические звания, порождает фанатизм. Но в случае же разрушения этой веры начинаются истерические заявления и покаяния, что и случилось. Правда, это происходит без сдачи научных регалий, но с настойчивым претензиями на новую веру - "в условиях перехода к рынку". Мягко говоря, нелепо слышать заявления от маститых мужей от науки, которых как-будто бы одурачили как несмышленных детей, приобщив их к вере в "коммунистическое будущее", дав, кстати, им возможность пожинать неплохую по тем временам ренту от этой веры. Ученый, как человек, может менять свои политические пристрастия или убеждения, но в науке смена взглядов профессионально выглядит при смене метода исследования и всей системы доказательств, дающих приращение достоверного и вместе с тем нового знания. Здесь образцом для подражания могут служить А.Смит, К.Маркс, Л.Вальрас, Д.Кейнс, В.Леонтьев, М.Аллэ, Г.Беккер и другие имена, ставшие классическими.

Сегодня ситуация с аргументами значительно упростилась особенно для тех, кто никогда об этом и не задумывался. Ведь исчезли существовавшие определенные логические каноны, разрушена практика, с которой выдвигаемая идея должна была бы быть в "душевном" согласии, нового же на уровне национальной теории ничего не создано. Сущестующая же практика крайне нерациональна по своей основе, чтобы дать возможность с пользой для конкретных фирм и для самих себя проявиться нашим имеющимся талантливым кадрам, покинувшим сферу науки в поисках более выгодных условий своей работы.

Свободную нишу кроме уже упоминавшегося "здорового смысла", который, естественно, у каждого свой, пытаются заполнить неполным учением об экономике из известных вводных курсов. И здесь все было бы ниче-

го, если бы не несколько весьма серьезных обстоятельств.

Во-первых, как и в случае с Марксом, да и с многими другими западными идеями на ниве славянской души, "Экономикс" воспринимается не как развивающееся учение, а как некая незыблемая догма. Во-вторых, изучая категориальный аппарат "Экономикс" да же по самым модным книгам, не следовало бы самим првращать эти учебные пособия и учебники в "Краткий курс", чтобы потом снова не испытывать раскаяний. В-третьих, при всей важности этого инструмента анализа, надо учитывать ту его особенность, что это все-таки функциональный анализ, который для нашей аморфной экономической системы применим очень ограниченно из-за искажа-

ющих факторов. В-четвертых, поскольку наши реформы, как и реформы других постсоциалистических стран, носят преимущественно институциональный характер, то построение даже гипотетической модели будущего страны никак не вырисовывается из традиционного "Экономикс" даже в самой его последней интерпретации. К тому же надо видеть то, что к концу 20 века инструмент этого анализа сильно деформировался и требует самой серьезной корректировки. Именно эта проблема дальнейшего развития экономической науки привлекает самое пристальное внимание не только экономистов мирового сообщества, но и специалистов в других областях науки.

Таким образом, не следует тешить себя иллюзиями отнормально возможности достойного существования без экономической теории. Но последняя имеет достаточно много внутренних проблем, догм, мифов, которые необходимо хотя бы осознать на первоначальном уровне. Здесь при разрешении всего этого накопившегося груза проблеме невозможна "помощь всем миром", потому что нельзя научить кого-то хорошо жить чужим умом. Приобщаясь к мировым научным достижениям, важно отличать действительно научные достижения от массового поп-знания, чтобы при подготовке специалистов не получились из них в конечном итоге пропагандисты-черносотенцы с адекватным поведением на всех уровнях общества в будущем от деятеля государственного масштаба до мелкого лавочника. Действительно научное знание позволило бы не искать врагов там, где их нет и не возмущаться очередными происками Запада, который, как и любой другой партнер на этой земле, если и не любит, то уважает достойных и понимающих партнеров.

Сегодня же мы накопили такой "дефект знания", что, не говоря уж о прогнозах, планах, даже не знаем на каком свете мы находимся. В частности попытайтесь для себя выяснить размер ВВП на душу населения за последние годы, или обратитесь к исследованиям на предмет выяснения динамики реальных доходов населения нашей республики. Грубые ошибки можно несомненно значительно снизить именно в рамках науки, если исключить в целом самонадеянность человека и ученых в том числе, а особенно присущее экономистам свойство иметь высокое мнение о том, что они делают сами и пренебрегать результатами не только смежных наук, но и деятельностью даже своих коллег по профессии. В противном случае природа не потерпит пустоты, заполняя ее, что уже весьма активно происходит в самом деле, далеко не безобидными астрологическими прогнозами и предсказаниями гадалок. Ведь мы не согласны с прошлым, нам не нравится настоящее, но еще более ужасает неизвестность будущего. Сделать будущее более предсказуемым и лучшим экономическая наука не только должна, но и может, если, не рядясь в тогу надменного пророка, но уж и не посыпая себе голову пеплом, она осознает свое истинное предназначение в конце этого тысячелетия и обнаружит свои внутренние проблемы и противоречия, заключив тесный союз с практикой. Ведь влияние на судьбу народа верных или же ложных идей, которые царят в обществе и которые также трудно

различимы по своей действительной ценности, значительно большее, чем принято думать. Нам же в поисках гармонии жизни никогда не следует забывать мудрого совета древних, что в драме бытия мы являемся одновременно и актерами (не всегда хорошими), и зрителями.